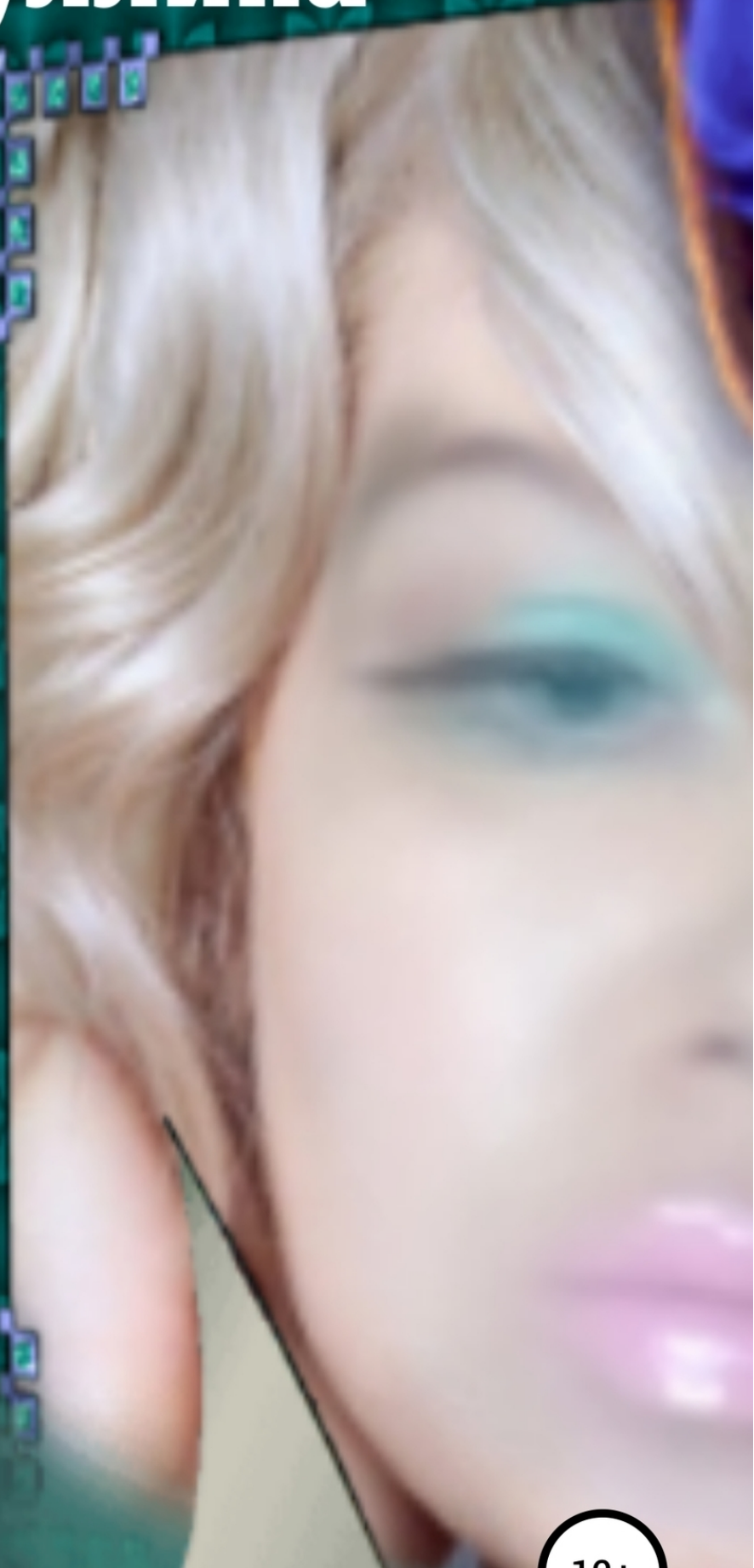

**Галина
Губайдуллина**

ЛЮБОВЬ К ФАРФОРУ

12+

Галина Губайдуллина
Любовь к фарфору

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Губайдуллина Г. И.

Любовь к фарфору / Г. И. Губайдуллина — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

У Исидоры есть мечта – выпускать посуду из фарфора. Но женщин 19 века не пускают в бизнес. Это решаемо – её бизнес объявил своим отец. Не помеха и взрыв на фабрике... Но что делать с пьяницей-балагуром художником французского происхождения, который так и норовит поцеловать работодателя и сыпет ироничными фразами?! Может, стоит попробовать прикрыться от нападок и соблазнений Дамским Комитетом феминисток?

9 сентября 1.752 года. Англия. Графство Дербишир. Город Дерби. Трактир «Солнечный».

Тепло осенью в Англии называют летом Святого Мартина. Поэтому сестра сэкономила на дровах, и Андре Планше, тёмноволосый парень двадцати пяти лет с небольшой бородкой и хитрой физиономией, лёг в постель в тёплом халате. В его ладони лежал листик лавра, который он сунул под подушку, чтоб увидеть пророческий сон. И ему приснилась ромашка. Вдруг этот цветок стал расти, гигантские лепестки всё удлинялись, пока не превратились в белые волосы. Середина соцветия превратилась в очаровательное лицо, а ствол раскололся, образуя ноги, и соскакивая с корня. Листья сгруппировались, обернувшись руками.

Трактир сестры и её мужа, в котором жил Андре, был старый, и потому скрипел даже в безветренную погоду. От тонких стен доносился храп и стоны постояльцев в соседних номерах.

Андре раскрасил побеленную стену в этом номере огромными цветами. И теперь ирисы и лютики рвались от изголовья низенькой кровати до потолка. На посеревшем льне штор от бесконечных стирок ещё видны голубые цветы с зелёными листиками. По всем углам номера стоят горшки с цветами и крупными растениями, а между ними краски, пачки бумаги с эскизами. У постели вместо коврика простой кусок ткани в синий цветочек.

Улица Бонд-стрит в центре Лондона с обилием магазинов для аристократов. В одном из особняков в спальне в стиле Людовика Пятнадцатого, где главенствовал рококо, в дорогом баньяне в кресле полулежал престарелый банкир и депутат палаты лордов пэр Джон Уинд граф Хит. Рядом на стуле сидела его старшая дочь Элизабет, красивая девушка двадцати двух лет, с рыжими волосами, как у отца. В комнате обилие венецианских зеркал с золотым обрамлением витиеватых узоров. Узорчатые балки потолка, узорный молдинг. Яркий ковёр в голубых и синих тонах. На множестве окон зелёные шторы из бархата. Зелёные атласные шторы над белой кроватью. На полу масса скульптур и больших ваз. Небольшой стол с загадочными опорами завален порошками и микстурами. Позолоченные основания светильников. Белый атлас накидок на креслах. Голубые стулья с позолоченными ножками и подлокотниками. На трёх стенах обои цвета мяты с белым рисунком, на одной – голубые с изображением ракушек. Поверх обоев декоратор пустил узорно золочёный толстый шнур. В камин вмонтированы красивые ракушки.

Родитель слабым голосом говорил дочке:

–Скажи сестре, чтоб выбирала наряды повеселее, не то своим унылым видом разгонит последних женихов. Есть у неё любимый цвет?

–Да, у Исидоры есть любимый цвет. Противно-серый называется.

В комнату вошла младшая дочь графа девятнадцатилетняя Исидора с белоснежными волосами и кукольной внешностью. Её тонкие чёрные брови привлекали внимание к большим серым глазам. На девушке вновь блёклое платье.

Граф заметил ей:

–Этот твой серый какой-то простоватый.

–Папа, я не люблю пошло-голубые тона,– возразила Исидора.

За ней вошёл доктор сорока лет, еврейского вида. Он осмотрел больного, поочерёдно посмотрел в глаза девушкам и спросил:

-Лорд Хит, Вам говорить правду или приукрасить немного, чтоб не сильно страшно было?

–Мы желаем слышать правду, мистер Бартоломью Сэлмсон,– чётко выговорила старшая дочь графа.

Тогда как Исидора пустила слёзы, пряча лицо в платок.

Врач перечислял болячки:

–В желчном пузыре – камни, судя по желтушному цвету лица и специфических болях, в моче – песок, это я сужу по анализу... В лёгких, видимо, известь...

Граф перебил доктора, хихикая:

–Скажите: где у меня глина, и я начну строиться...

–В человеке есть камни?– удивлённо переспросила Исидора,– Откуда они берутся?

–Сие неизвестно... Не у всех они заводятся... Хотя... жизнь в загрязнённом Лондоне, видимо, сказывается...– заблеял мистер Сэлмсон.

Больной въедливо придирался:

–Вот у Вас, доктор, у самого зубы не совсем белые, а это ведь говорит о том, что нарушен обмен веществ! Видимо, Вы ведёте нездоровый образ жизни. Да, доктор? Как на счёт выпивки, курения?

–Достопочтимый лорд, разговор не обо мне. А о Вас,– напомнил эскулап.

–А помните, что всем советовал Плутарх? «Самое полезное из напитков, самое вкусное из лекарств и приятное из продуктов питания – это вино»,– хитро припоминал Джон Уинд Хит.

–Херес под запрет, это крепкое вино, а вот вина послабже можно иногда...– говорил доктор,– Но не злоупотреблять! Иначе может быть даже летальный исход! Камни пойдут через печень, забьют её протоки, кровь и кожные покровы пожелтеют, а Вы упадёте в обморок, из которого навряд ли вернётесь...

Исидора зарыдала в голос.

Граф сморщился и сказал:

–Пишите свои рецепты, а ты, Элизабет, принеси реестр документов, я буду оформлять на вас с сестрой наследство.

После ухода врача старик пытливо посмотрел на младшую дочь и спросил:

–За Элизабет я почему-то спокоен, она вникла в дела банка, а на что хочешь потратить ты свои деньги?

–Я хочу открыть завод по изготовлению фарфора.

–Что за эпатажная выходка? Не шути так, дочь.

–Я серьёзно.

–Безумная затея! Ты ничего не смыслишь в этом деле!

–Я смогу.

–Исидора, ты – аристократка, а хочешь уподобиться выскочкам буржуа? Этим царькам, которые теряют голову от власти и творят чёрти что! Матерятся, дерутся, обзывают рабочих самыми последними словами, ну никаких этических ценностей!

–Папа, что за обскурантизм? За наукой будущее.

–Я не враждебен к науке, я боюсь за свои капиталы... Может, как все, займёшься сельским хозяйством?

Девушка усмехнулась, замотала головой и упрямылась:

–Не повторяйте ошибок – создавайте свои! Разве сельское хозяйство не приносит убытки? То наводнения, то ураганы, то засуха...

–Точно говорят: не пытайтесь понять женщину, она и сама не понимает половину из того, что творит! Запомни: ничто не обходится так дорого, как глупость.

–Папа, вспомни Исаака Ньютона, он был не просто физик, математик и астроном, но и государственным служащим! Совмещал научную работу с должностью директора Монетного двора.

–Ну, хорошо! Поедешь в город Дерби, там у меня есть друг, член Парламента и мэр того города Томас Риветт, он поможет тебе разыскать некоего француза-художника Андре Планше, он неплохо производил и разукрашивал костяной фарфор в графстве Стаффордшир, работая на Уильяма Литтера, ныне переехал к сестре в Дерби...

–Француз? Что делает в Англии француз?

–Его родители – беглые гугеноты. Из недорезанных,– уточнял граф, ухмыляясь,– Вот, если уговоришь этого француза, то строй для начала мастерскую...

–Откуда Вы, папа, знаете об этом человеке?

–Моя дорогая, я по должности знаю о том, что происходит в королевстве. Будешь всем говорить, что это не твой бизнес, а мой, ведь женщин не воспринимают всерьёз, тем более таких красивых и молоденьких. Но перед тем, как уехать, обещай съездить с сестрой хоть на какой-нибудь захудалый бал. Что у меня за девицы, которые не любят танцевать и веселиться? Надо подарить вам рубины в золоте, говорят, что они позволяют найти своего мужа и навсегда.

Исидора скулсила:

–Выход в Свет? Увольте меня, это требует слишком много душевных усилий. Эта вычурная аристократия давит на меня своей фальшью отношений. Приторные, натянутые улыбочки, ужимки...фу!

–Я сказал: на бал!

–Как скажите, папа,– сконфузилась младшая дочь.

–Но, папа, Лондонский сезон закончился в августе. Все мероприятия в столице происходят с февраля по август,– напоминала старшая дочь,– Разве мы попадём в приличное место?

–Не ваша забота,– одёрнул её отец,– Всегда были и будут свадьбы, крестины и прочие праздники.

Исидора в здании женского движения за освобождение и равноправие разглядывала женщину, которую ей представили: феминистку Оливию Джонсон. Женщина средних лет, ничего особенного.

Элизабет рассказала ей о планах сестры и о протесте отца.

–Очередные ограничения для слабого пола?!– вскинулась Оливия Джонсон.

–Но отец уступил моим просьбам,– успокоила женщину Исидора.

–Такая блистательная дама должна назло мужчинам добиться успеха,– подхватила феминистка,– Подари же себе свободу, будь смелой, сама верши судьбу.

Неожиданно для младшей сестры Элизабет подхватила:

–Если мы не будем требовать равных прав – мужчины никогда нам их не дадут.

Оливия нахваливала графиню Элизабет Хит:

–У неё активная позиция в нашем коллективе, она самоотверженно борется с мужским шовинизмом. Все мужчины хотят, чтобы мы вышивали крестиком, и к старости из-за этого ничего не видели. Они б тогда подсовывали нам макет себя, а сами бежали к другим дамам.

И вдруг Оливия провела рукой по спине Исидоры, пощекотав. Та восприняла этот жест, как неосторожность. Она не могла допустить, чтобы женщина пыталась грязно с ней, девушкой, заигрывать.

Мисс Джонсон принялась рассказывать о Кристине де Пизан и её публикации в 1.504 году «Книге о женском городе». О Мэри Эстелл.

Она заученно передавала текст:

–Мисс Эстелл писала: «Мужчина и женщина обладают одинаковой способностью к разуму, и, следовательно, должны иметь равный доступ к образованию». Ещё она говорила, что для женщины завоевание каких-то жалких сердец просто унижительно.

–Да, мужчины сами должны падать к нашим ногам,– решила пошутить Исидора.

Мисс Джонсон взвилась:

–Да Вы просто враг цивилизации.

Она обиженно отвернулась.

Элизабет поспешила увести сестру.

На улице старшая сестра делилась с младшей:

– Меня раздрает раздвоенность: я хочу идти за лидерами Дамского комитета, но мне жаль отца.

– В Парламенте его поймут. В наше время много женщин вступили в ряды феминисток. Но дома было ошибкой со стороны Исидоры рассказать отцу за ужином правду об их месте пребывания.

Граф Хит с ехидным вызовом отчитывал:

– Ничего не скажешь – замечательные дочки! Вот, Элизабет, ты вовремя не вышла замуж, так теперь занимаешься всякой ерундой!

Старшая дочь вскинулась:

– Дамский комитет не ерунда!

– И родне покоя не даёшь! – не унимался отец.

– Папа, позволь мне самой решать, как распоряжаться своим свободным временем! Современная женщина закреплена правилами поведения и порабощена социальными запретами, такими глупыми и необоснованными, как запрет на право голосования!

– Вам, аристократам, предоставляется привилегия, не работая, пользоваться всеми благами мира! А от безделья некоторые из вас начинают придумывать игры. Кто-то учиться вязать носки, кто-то путешествует, а Исидоре, например, вынь да положи фарфоровый завод.

Элизабет заметила родителю:

– А Вы, папа, сами же решили её поддержать и потворствуете её безумствам.

– А чего ты испугалась? Что наша девочка вдруг вырастит? Пусть проявит себя. А на следующей неделе на бал безоговорочно!

Исидора поникла.

Джон Уинд Хит ругал её по-доброму и далее поучал деток:

– О, скуксилась! Лондонский бомонд даже и не видел твоих совершенных черт! Почему ты отказывалась посещать балы? Может, нынче достойный кавалер присмотрит тебя... И запомните: наличие мозгов у женщин, зачастую, пугает мужчин, так что на балу побольше глупо хихикайте.

Дочери кивали.

Перед поездкой на бал сёстры решили погадать. Кухарка купила двух живых петухов и курицу.

Девушки на кухне установили зеркало на полу, выпустили курицу, поставили поилку с водой и тарелку с зерном, где возлежали золотые предметы.

Элизабет объясняла младшей сестре правила гадания:

– Это древний вид предсказаний. Называется алектриомантия. Если птица идёт к зеркалу – жених будет красивым и нежным. Идёт к миске с водой, то будет муж горьким пьяницей. К зерну – богатый. А если к курице – бабник. Мой белый петух.

– Тогда мой чёрный, – кивнула Исидора.

Запустили белого петуха. Тот постоял посреди кухни, разбежался и вылетел в открытое окно.

Младшая сестра вопросительно уставилась на старшую.

Та пояснила, пожав плечами:

– Не в этом году быть мне невестой.

Исидора выпустила из клетки чёрного петуха. Тот в развалочку прошёл к зеркалу, покрасовался и отправился пить воду. Гадающую это покорило.

Элизабет же расхохоталась:

– Будет у тебя пьяница-муж, но красивый и нежный.

На бал Исидора надела серое платье из плотного французского шёлка с золотыми цветами и с кружевами в виде большого воротника цвета тёмного золота.

Белый лиф платья Элизабет тоже отделан золотыми печатями краски. Пышная верхняя юбка из жёлтой вуали присборена в двух местах, и там сияли белые розы из ткани. Рукава из той же жёлтой вуали на резиночке крепились к предплечью и были присборены резинками в нескольких местах, создавая «фонарики». Из под белого основного платья проступала нижняя юбка из нежнейшей вышитой белой вуали.

У обеих сестёр надеты лёгкие светлые туфли, расписанные миниатюрами. Тогда как у многих в зале были красные каблуки, как знак принадлежности к аристократии, модные ещё со времён Людовика-Солнце.

У некоторых молодых людей в руках модные лорнеты, а белые парики с косичками и бесчисленные пуговицы на камзолах и жилетах поголовно у всех мужчин. Дамы вертели в руках не только веер, но и бонбоньерки с конфетами.

Одна престарелая леди умилялась со слезами на глазах:

–Как возвышена Ваша сестра мисс Элизабет Хит, да мисс Исидора Уинд? Она опустила глаза и не удостоила взглядом ни одного мужчину.

–Да, в её голове лишь мифы Древней Греции да стремление возвысить женщин к рангу мужчин. Она по мере возможности борется с любой несправедливостью.

–Как же она собирается руководить банком? С её-то нежной душой и слабым характером... Одна надежда на умного мужа...

–Думаю, моя сестра научится быть твёрдой.

–Я бы Вам, милочка, посоветовала приглядеться вон к тому кавалеру в одеянии цвета охры, с которым Вы танцевали мазурку. Он глаз с Вас не сводит.

Исидора обратила свой взгляд на претендента в женихи. Внешность русого молодого человека была неброской, лицо портили раскосые да ещё и миндалевидные глаза.

Пожилая леди тут же дала оценку и младшей дочери графа Хита, удостоив ту своим вниманием:

–А Вы, дорогуша, обводите всех присутствующих взглядом полным достоинства и величия, словно королева.

Элизабет спасла младшую сестру от докучливой особы.

Та жаловалась ей:

–Вот и лезут эти тётушки в нашу жизнь... Давят на нас своим житейским опытом...

Отец тоже присутствовал на балу, поглядывал на дочерей, беседовал то с одним, то с другим лордом. Вдруг он подошёл к дочерям, ведя за собой того молодого человека в костюме цвета охры.

Представил дочерей.

Представил своего спутника:

–Дочки, а это лорд Николас Балстрод. Он приглашает вас в оперный театр Ковент-Гарден. Я дал своё согласие. Поедите с тётушками.

Николас нетерпеливо проговорил:

–А сейчас я хотел бы пригласить мисс Исидору Уинд на танец.

Когда лорд Балстрод вёл красавицу, все мужчины завистливо поглядывали на них.

Исидора задала прямолинейный вопрос, не очень уместный в их высших кругах, и потому звучащий странно:

–Милорд, а Вы – любитель горячительных напитков?

–Я всегда знаю меру, – заверил жених.

Но молодая леди имела нескромность посмотреть на него с долей сомнения.

Через пару недель Исидора Уинд пила чай с молоком у мэра города Дерби Томаса Риветта.

Тот деловито обрисовывал портрет художника Планше:

–Он как-то был у меня на приёме в мэрии. Парень обладает обаянием и перспективными проектами. Я слышал, что в Стаффордшире он обладал большой работоспособностью.

–Я хочу найти его.

–Говорят, он поселился у сестры в трактире «Солнечный». Пошлите туда слугу и узнайте. Значит старина граф Уинд Хит приболел... Как жаль... Да, годы берут своё...

Трактир «Солнечный» находился у каменного коричневого моста через спокойную реку. По глинистым берегам реки Деруэнт местами росли кустарники. Трава после первых заморозков кое-где пожелтела. По бокам заштукатуренного здания росли огромные деревья диких яблонь с изрядным количеством красных плодов. Белая известь на стенах сияла в лучах солнца. Оконца были маленькие, но изобильно посаженные друг возле друга на втором этаже, где, видимо, располагались номера.

У искомого трактира рыжий слуга Марк Мэйс, человек среднего возраста, убеждал хозяйку:

–Леди Уинд, Ваша утончённая душа взвывает от ругательств, исходящих от матросского сброда, простого люда и пьянчуг.

Но Исидора смело вошла в заведение для низших слоёв общества. На неё изрядно пахло перегаром и запахом немых тел.

В углу продавали газеты, как и в кофейнях Лондона. Среди местной прессы были и лондонские «Таймс» и «Морнинг пост». Люди покупали прессу, обсуждали события в городе и стране.

Грязно ругались матросы. Сально шутили и оценивали леди пынчужки.

–Нам бы такую кралю!– несло со всех углов.

–Может, она здесь жениха ищет? Хи-хи! Эй, я подойду?– хихикал какой-то противный старичок.

Девушка поймала взгляд взъерошенного с небольшой бородкой парня в шляпе на макушке. Его непристойный взгляд обшарил все выпирающие места на теле девушке. Хотя она и была в тонком тёмно-сером пальто, но шарф слетел и обнажил обширный разрез тёмно-зелёного платья. А Андре Планше переключил взор на её глаза, и долго не мог отвести своих глаз от её красивого лица, запойно разглядывая такие совершенные черты. Ему казалось, что красавица вплепала россыпь звёзд в волосы. Но он успел отметить, что девушка консервативна до мозга костей. И держится так, будто вся Англия принадлежала ей.

Андре допивал с молодым другом трубочистом Франклином Ваттоном бутылку дешёвого вина, в их кружках выпивка плескалась на дне. Из закуски на столе на одном блюде серела ливерная колбаса, а на другом лежало несколько кусочков жирной солёной селёдки.

Исидора заявила:

–Я ищу мистера Андре Бланше.

Француза покорило от неправильного английского произношения его фамилии да ещё на какой-то женский манер, как имя Бланш.

Напарник Андре по выпивке поправил девушку:

–Не Бланше, а Планше. Не мистера, а мсье, он же француз... Этот парень вчера тут так надрался, что избил двоих, разбил уйму глиняной посуды и убежал от полицейских.

Андре довольно усмехнулся, вспоминая вчерашние подвиги.

Слуга Мэйс тупо хлопал глазами, стараясь смотреть в пол.

Девушка спросила:

–И где сейчас бродит это злобное чудовище?

– Оно перед Вами, мисс! – гаркнул парень, который не спускал с неё глаз. Щёки леди покрылись румянцем. Она всё ещё держалась на приличном расстоянии.

Заявила:

– Для художника Вы довольно-таки крепкий...

– Дрова люблю рубить...

– И молодой... И красивый...

– Да, когда я ем протухшую колбасу, то бываю очень красивым...

Исидора повернулась к слуге и пространственно ему говорила:

– И это эксперт в фарфоровом деле? На специалиста он мало похож, больше на пьянчужку.

Слуга угодливо поддакнул.

Андре хмыкнул, обращаясь к другу-трубочисту:

– Можно подумать, что эта кисейная барышня что-то знает о производстве фарфора!

Леди пылко отвечала:

– Но я очень люблю фарфор! И хочу наладить выпуск фарфора в этом городе.

Парень деловито узнавал:

– Сколько платить художнику собираетесь?

– Ага, сменили тон! Деньги нужны?

– Меня деньги не волнуют, они меня успокаивают.

Девушка недоверчиво изрекла:

– Но Вы ведь дружите с алкоголем.

– А чего мне с ним ссориться?

Трубочист вздохнул:

– Когда сердце разбито, то спасает крепкая печень.

Исидора сверлила взглядом опустившего глаза Андре, узнавала:

– У Вас проблемы в семье?

Тот бурчал:

– Нет работы, нет девушки – нет проблем! Вот выпьешь и на ковре-самолёте несёшься в неведомую страну, где все улыбаются и рады тебя видеть.

Леди села рядом с французом на стульчик. Растерявшийся слуга Марк Мэйс сел возле трубочиста.

Над ней нависла темноволосая сестра художника Тельма Латса:

– Заказ делать будите, мисс?

Муж Тельмы Удард Латса сердитый бородач, тоже из французов-гугенотов, пылливо взглядывался на пришедших из-за стойки бара.

– Принесите мне кофе, а слуге какого-нибудь жареного мяса, – быстро проговорила Исидора, а Андре она заметила, – Жирные сорта рыбы придают вину противный металлический привкус, как Вы это пьёте?

– А вам, аристократам, не понять, – огрызнулся парень.

Тельма хитро покосилась на красивую дамочку, хмыкнула, и пошла исполнять заказ.

– А Вас никто не просвещал, что в современном, гуманитарном обществе принято вежливое обращение с дамой?

– Ныне же женский пол рвётся к доминированию. Желают общаться с мужиками на равных. Вот и Вы хотите построить фарфоровый завод, хотя в Дерби три года назад свою третью фарфоровую мануфактуру открыл Уильям Дьюсбери. Не бойтесь конкуренции?

– А Вы консерватор? Бойтесь потеснить место у правящих кругов для женщин?

– Уж не из Дамского ли Вы комитета?

– Вы считаете меня феминисткой? – растерялась поначалу Исидора, но затем решила выдать себя за новаторшу новых идей, – Ну, да, я была в их обществе...

– Вот почему Вы ведёте себя здесь совершенно свободно... Феминистки – это те, кто не любят мужчин?

– Ну... Не совсем так... Скорее: мы не уважаем мужчин.

Андре с интересом разглядывал её, с насмешкой констатируя:

– Не уважаете сильный пол, но требуете уважения к своему слабому полу... Как глубоко-мысленно... Итак, Вы задумали разрушить космическую полярность, основанную на дуализме мужского и женского начала?

– Я доверяю идеалам эволюционного прогресса, – пролепетала девушка, не ожидавшая от простого пьющего парня таких речевых оборотов.

– А, так Вы за то, чтоб люди перестали размножаться?

– Что у Вас за смелые выводы?

– А женщинам некогда будет заниматься семьёй, если они будут заниматься бизнесом, политикой, спортом... Разве на олимпиадах в Древней Греции были женщины?

Тельма принесла заказ. Перед Исидорой возникла чашечка из костяного фарфора. Она сразу поняла, что это подарок сестре, и это работа самого Планше. Полупрозрачная структура фарфора отдавала голубым тоном и была разрисована музами танцующими вокруг Аполлона.

Слуга Мэйс с аппетитом принялся уминать жареные рёбрышки.

Официантка вернулась за стойку к мужу.

Андре напомнил леди, разглядывающей рисунок на фарфоре:

– Сам прекраснейший Аполлон вдохновляет художников на искусство.

– Он – предводитель всех муз, – прошептала Исидора.

– Значит, хотите вложить деньги в мануфактуру? А Вы знаете, что общество прощает преступников, но не мечтателей? Вам будут всю жизнь припоминать все Ваши неудачи.

– А мой беспристрастный взгляд на Вашу жизнь говорит, что Вы прозябаете в грязи и сомнительных удовольствиях.

Трубочист обиженно покосился на грязные обшлага своего сюртука.

Художник тоже обозлился:

– А если я пошлю Вашу великосветскую задницу ко всем чертям?

– Грубо и неразумно. Вы же не дослушали меня до конца.

– А, ну да, чего ради святоша в виде Вас припёрлась бы в кабак. Не за спасением же пропащих душ. Желаете вогнать меня в кабалу, в рабство?

– Я предлагаю Вам высокооплачиваемую работу. Отец при жизни хочет знать: куда мы с сестрой потратим наследство. Он боится, что мы всё раздадим бедным или на нужды Дамского комитета.

– У Дамского комитета есть нужды? – осведомился Франклин Ваттон.

– Конечно! Кому на учёбу ссудить, кому на приданое, кому на суд против мужа, – вспоминала разговоры сестры Исидора.

Андре хитро прищурился и как бы безразлично протянул:

– Невежливо отказывать столь высокочтитованной особе, я, пожалуй, соглашусь быть Вашим художником. Но почему Вы решили вложить приданое именно в фарфор?

– Грядёт новое время. Скоро у всех будет фарфоровая посуда. Одна за другой хозяйки отказываются от глиняных тарелок, приобретая изящные, сверкающие фарфоровые.

– Резонно, – закивал художник.

– И строить мы будем от имени моего отца, в обществе не приветствуют женщин, занимающихся бизнесом.

– Факт, – вновь кивнул француз.

– Но надо что-то делать с Вашей пагубной привычкой напиваться, – заметила дама, – Ещё древние греки давали людям намёк: вакханалки, которые следовали за Дионисом, убили

Орфея. У пьющих нет ценностей в мире искусств. Вы ждёте, когда вакханалки изуродуют и Вашу душу?

Андре юродствовал:

– Именно вакханалки вывернули недавно не только мои карманы, но и душу, не забыв разбить сердце.

Как бы оправдывая приятеля, Франклин пояснил:

– Его бросила любимая женщина.

Исидора успокаивала парня:

– Не надо преувеличивать с жизненными проблемами. Вы здоровы и молоды, а это прекрасно.

– А благодаря Вам ещё и работой буду обеспечен... – протянул француз.

– И знайте: без религии Вы беззащитны, – на полном серьёзе уверяла леди, стараясь повлиять на нужное ей решение выпивохи.

– Неужели? – искренне удивился художник.

– Ангелы не придут Вас спасти в трудную минуту, если Вы не будите им молиться.

– Диван мне в мастерскую поставьте. Я люблю думать на мягком.

– Да, начнём с маленькой мастерской, некой проектной. Я арендовала одно из складских зданий фабрики по производству шёлка. Структура фарфора тоже очень важна. Любые изменения в химическом плане повлияют на качество.

– Может, будем придерживаться моих наработанных принципов и не изменять ингредиентов?

– Но тот мастер так хвалил формулу...

– А Вы уверены, что узнали точный рецепт изделия? Как я знаю, это великие тайны фамильных мастеров.

– И ещё я бы хотела удешевить фарфор, чтобы его могли покупать люди и с небольшим достатком.

– Дешёвый фарфор тогда должна будет украшать менее изящная роспись, – вторил Андре.

– Само собой разумеется. То, что идёт на поточное производство должно быть более примитивное. Для Вас же чисто творческая работа для элиты. Надо будет также нанять несколько художников, которым Вы покажите: как быстро можно нарисовать одни и те же сюжеты и узоры.

– Покажу... Хотя настоящему мастеру подмастерья платят за это, – замаявшись отвечал художник.

– Вы будите получать за учеников дополнительную зарплату, – согласилась работодатель. Француза утомила болтовня, он зевнул в сторону стены.

– Это очень важная часть разговора, а Вы позволяете себе зевать! – возмутилась леди.

– Будьте уверены, когда мы перейдём к самой приятной части беседы об обговаривании моей зарплаты, я буду подобающе взволнован и заинтересован, – заверил Андре.

Исидора шепнула ему сумму на ухо.

– Заманчивое предложение, – расцвёл хитрой улыбкой француз.

Предпринимательница прощалась:

– Мистер Планше, жду Вас вот по этому адресу через неделю к одиннадцати часам утра, сейчас там ремонт. К тому времени подготовьте эскизы, вот Вам деньги на бумагу и краски.

– До свидания... а, кстати, своего имени-то Вы не назвали.

– Исидора Уинд, – с этими словами девушка встала из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.